

в своем метафорическом раскрытии вновь соединяется с лексическим значением — блудни, и птица оказывается блудным сыном: «Залетела в пустыя дєбри непроходимыя, возвратитися не хошет; питается червьми и змиями и на селах рожьцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хошет и не уйдет от руки господни» (стр. 118).

Так смыкаются два далеких словесных ряда — разговорно-бытовой и церковно-книжный. Образ дикой птицы сочетается с евангельским образом блудного сына.

Проблема метафорических приравнений, иносказаний, «приводной речи» существенна для понимания тех скрытых, «непрямых» значений, которые в церковно-славянском контексте нередко были связаны со словами и выражениями, имевшими своих лексических «двойников», омонимов, в просторечии, с совсем иным семантическим содержанием. Позднее, в XVIII в., особенно во второй его половине и в начале XIX в., многие из этих книжно-славянских выражений, вырванные из своего контекста, при переходе в бытовое «просторечие» резко изменили свой семантический облик. «Приводные» смыслы чаще приходится восстанавливать из контекста. Реже они даны непосредственно в параллелизме сопоставления:

В «Книге бесед», толкуя «апостольское слово» Павла (I Кор. V, 7—8): «...яко мал квас все смешение квасит», Аввакум так поясняет значение «приводной речи»: «Павел... глаголет приводную речь, указуя не в квас, якоже в квас: от мала великая прокиснет, тако и в вас от злб и лукавства добродетели будут непотребни» (стр. 522). Ср.: «Поспешим и потщимся, дондеже солнце не зайде, сиречь смерть не постигла» (стр. 379)

В «Книге обличений»: «И приводишь в приводе душу чело-вечю, толкуя суматоху, глаголя: Якож-де душа трисоставна-ум, слово, дух — имать един образ, також-де и бог: сын и дух святыи во отце соединенно и совокупно, а не слито и не раздельно» и т. п. (стр. 578—579).²

Так и в кругу церковно-книжной лексики обнаруживается оригинальное творчество Аввакума, которое направлено в основном на перегруппировку образов и на столкновение их с народно-разговорными выражениями, на образование единых разговорно-книжных семантических систем слов и фразеологических оборотов. Яркое своеобразие стиля Аввакума заключается именно в устранении резкой семантической границы между группами слов — торжественно-книжных и просторечно-разговорных, в острых приемах их лексических и фразеологических взаимодействий и контаминаций.

Так, у протоппа Аввакума при изображении чувств «людей божиих» чаще всего выступают глаголы «плакати», «плакаться»; они гармонируют с образом «прискорбного пути» «в царствие небесное»:³ «Пред образом плакався довольно о душе своей» (стр. 8); «Плакався пред образом господним, яко и очи опухли» (стр. 9); «Поплакав, глаголи» (стр. 30); «Моляся и плача, говорю» (стр. 55); «много плачючи говорил» (стр. 55); «побьюсь головою о землю, а иное и заплачется» (стр. 47); «я по нем пред Владыкою плакал всегда» (стр. 75); «Аз же без сна ночь ту проводих плачючи» (стр. 935).

С другой стороны, глагол «плакать» постоянно употребляется при описании чувств «детей духовных» к Аввакуму, в быту повседневно-

² Ср. принципы истолкования «привода» в «Книге обличений» (стр. 603—604, 901).

³ Об этой сфере слов мне уже приходилось упоминать в статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протоппа Аввакума (сб. «Русская речь», в. I. Пгр., 1923, стр. 195—293). Но там мои наблюдения не были доведены до конца.